

Ай Хуэй проснулся с болью в голове. У него был плохой сон, в котором он боролся посреди шторма. Ему снилось что Пухлик нес труп и сидел в луже грязи, плакал, его слезы терялись среди жестоких ветров.

Ему приснился босс, который заставил его сжечь все руководства мечей. Он целую вечность стоял в пустом тренажерном зале, чувствуя себя беспомощным и потерянным.

Ай Хуэй проснулась.

Его глаза были не сфокусированы. Но через мгновение его взгляд начал фокусироваться, и слабый луч света зажегся посреди бесконечного моря, серого и мрачного. Он освещал холодную металлическую и каменную стену.

Давно он не страдал от кошмаров.

Он опустил на кровать и уставился в потолок.

Как там Пухлик? Все еще мошенничает и не тренируется?

Не ешь столько сахара, ты уже и так жирный. Если кто-то задирает тебя, запомни имя, но не говори мне. Даже если скажешь, я пока не слишком силен. И мы оба можем оказаться в беде. Не волнуйся, я буду тренироваться. Если я не смогу победить их, вместо этого я побью тебя.

Он задавался вопросом, как там Босс на небесах? Он догадался, что на небесах нет фехтования.

Босс, сливайтесь с местными. Как человек, нет, как призрак, вы должны быть более реалистичным и не быть таким упрямым. Не ведите бизнес там, вам это не подходит. Найдите стабильную работу и трудитесь. На небесах должно быть много работы. Если там безработица это нельзя называть «небесами».

Ай Хуэй, ты должен много работать.

Сказав себе последнее предложение, он глубоко вздохнул. Кошмар и негативные эмоции вышли с воздухом.

Он вернулся к норме. Тусклое и темное состояние, страх и ощущение того, что он трус, исчезли, как будто ничего не произошло.

Его взгляд был спокойным. Он все еще был грозным Ай Хуэем, который ничего не боялся.

Он изо всех сил пытался встать с постели, но в левой руке его настигла резкая боль.

Он сказал про себя, что кость сломана. Это не первый раз, он получал такую травму. Вероятно, в самый последний момент когда выбирался, ранился по неосторожности. Он не чувствовал, что это его левая рука.

Пока он был должным образом связан и лечился медикаментами, Ай Хуэй выздоровел в кратчайшие сроки. У него было много опыта - внешние травмы, такие как переломы, казалось, были серьезными, но на самом деле они не были большой проблемой. До тех пор, пока их будут лечить должным образом и своевременно, произойдет быстрое восстановление. С другой стороны, внутренние травмы была реальной бедой. Было бы очень хлопотно, если бы

повредились дворцы или залы.

Он считал, что у него большие проблемы. Ай Хуэй горько рассмеялся.

Он все еще не знал состояние своих внутренностей.

Внезапно он услышал, как извне раздаются звуки ссоры.

«Шушань, он действительно гений! Он только открыл свой натальный дворец и мог использовать «Тройную технику», чтобы сплести элементарную ткань. До сих пор я не могу понять, как он это сделал. Это непостижимо!»

Голос старушки был в восхищении.

Ай Хуэй втайне чувствовал себя довольным. Похвала других – приятная вещь, не говоря уже о том, что он вкладывал в это себя.

«Он гений! Гений ткачества! Шушань, я ошибалась. Его талант просто потрясающий, ты должен позволить ему прийти в мастерскую, я буду обучать его лично, и я хочу взять его как тайного ученика!» Старушка явно была взволнована.

Ай Хуэй онемел. Пожалуйста, не надо. Хотя ткачество было выгодной работой и предлагало светлое будущее, он был, в конце концов, мужчиной. Было бы очень неудобно всегда иметь дело с плетением всю оставшуюся жизнь.

Старик был доволен, но как только он услышал, что старушка хотела сразиться за Ай Хуэя, ему уже было все равно. «Не может быть и речи! Он мой ученик! У меня есть только один ученик, и он будет нести мое наследие в будущее».

«Ты попусту тратишь талант!» Старушка холодно заметила: «Учитывая твои несостоявшиеся теории, он все еще может учиться».

«Что бы ты ни сказала, мой ответ не изменится!» Старик категорически отверг ее.

Старуха сразу рассердилась. «Ван Шушань, что ты имеешь в виду? Я уже извинилась перед тобой. Что еще ты хочешь, чтобы я сделала? Я с тобой столько лет, и так ты относишься ко мне? Это моя ошибка. Я от тебя вообще что то получала за все эти годы? Когда я просил тебя о чем-нибудь? Я осталась здесь ради тебя. Я позволяла тебе делать все, что хочешь, и так ты относишься ко мне? Ван Шушань, тебе лучше объясниться! ...»

Взглянув на почти плачущую старушку Шушань растерялся. Он смягчил тон. «Я ничего не сказал. Почему ты плачешь?» Мой ученик тоже твой ученик. Если он будет плохо себя вести можешь сломать ему ноги ».

Ли Вэй и Миньсю стояли в стороне, как статуи. Ли Вэй почувствовал слабость и внутренне сожалел о том, что поспешил. Развернувшийся спектакль был явно не для посторонних глаз.

Миньсю видела много таких спектаклей и не чувствовала себя неудобно. Тем не менее, она не знала, как это прекратить.

Ван Шушуан продолжил: «Но мы должны учитывать мнение Ай Хуэя».

Услышав это, старуха перестала плакать и подняла голос. «У него могут быть возражения?»

Ай Хуэй, который был в соседней комнате, почувствовал, как его сердце дрожало.

«Конечно, у него не было никаких возражений до сих пор...». Ван Шушуан слегка кашлянул.
«Посмотри, как сильно он хотел научиться вышивке, мы должны подумать об этом . Если бы он был девушкой, я бы отдал его тебе, не задумываясь, но он парень.

А были ли мастера ткачи мужчины? Я также не недооцениваю его - он любит драться. Учиться плетению - это одно, но плести всю оставшуюся жизнь, может быть, трудно для него ».

Старуха замолчала.

Приговор Ван Шушуана был прямолинейным. Фактически, она сама думала, жаль что он не девушка. Хотя нельзя сказать, что не было мужчин, которые учились плетению, они были невероятно редкими. Не говоря уже о том, что не было мужчин-ткачей, которым удалось добиться каких-либо успехов.

Видя, что он выиграл спор, Ван Шушань быстро продолжил: «Я хочу сказать, пусть он отправится в мастерскую , когда оправился. Пусть сначала все узнает, а там решим. ».

Лицо старушки не было таким черным, как прежде, и она фыркнула: «Наконец, ты что то по нормальному решил, потратив столько моих слез. Миньсю, вернемся в мастерскую».

С этими словами она убрала с лица все следы слез.

«Дядя, мы уходим». Миньсю поспешно поклонилась Ван Шушаню, помахала Ли Вэю и побежал за своим мастером.

Ван Шушань смотрел на нее и вздохнул с облегчением. Внутренняя борьба изматывала. Он схватил чайник, который был на столе, и начал глотать воду с носа.

Опустив чайник, он спросил Ли Вэя, который был рядом: «Так что случилось?»

<http://tl.rulate.ru/book/2193/170068>